

Бояна Сабо

Статьи о Гоголе в эмигрантском журнале «Русский архив»

Эмигрантский журнал «Русский архив», посвященный политике, экономике и культуре России, выходил в Белграде с августа 1928 г. по март 1937 г. один раз в два месяца. Издание шло кириллицей и латиницей на сербохорватском языке (это, на наш взгляд, сделало его недоступным для иностранных исследователей). Всего за неполных девять лет издано 42 номера, в каждом по 10–12 печатных листов (в № 1 было указано, что номер будет содержать минимум 11 листов). Но – вероятно, из-за финансовых проблем – издатель был вынужден периодически публиковать удвоенные номера, начиная с № V–VI (10–16 печатных листов) и даже утренние, как это было с последним номером, посвященным Пушкину. Состав редакции не был указан, но литературоведам О. Джуричу и А. Петрову, которые одними из первых написали об этом журнале, удалось узнать, что главным редактором был Ф. Махин, а директором – В. Лебедев, приехавший из Праги в 1932 г. Тогда там перестал выходить другой эмигрантский журнал «Воля России» (1922–1932), ставший образцом для «Русского архива», издателем которого был Земгор.

Во вступительной статье редакционной коллегии «Наши цели», открывающей первый номер, указано, что главная задача журнала, который будет «целиком посвящен России», попытаться «показать и представить подлинную Россию во всем блеске ее гения», чтобы «приблизить иностранного читателя к России, русскому народу»¹; для этого «в каждом номере РУССКОГО АРХИВА будут опубликованы статьи о внешней и внутренней политике России, о ее духовной и научной жизни, о ее экономике и финансах. Русской культуре и литературе будет отведено больше всего места. Систематический

обзор всех отраслей жизни России. Критика и библиография. Обзор журналов. Жизнь и деятельность русской эмиграции» (I, IV). Очевидно, большое место на страницах журнала предполагалось уделить культуре и литературе, чьи крупнейшие достижения приходятся на XIX – начало XX века.

О Гоголе в журнале упоминали крайне редко. Из всех русских классиков (в первую очередь – А. Пушкина, Ф. Достоевского, Л. Толстого) Гоголю и его творчеству было уделено меньше всего внимания. Его имя впервые появляется в сдвоенном № V–VI в 1929 г. (второй год издания журнала), когда праздновалось 120-летие со дня рождения Гоголя, и далее, до 1935 г., о нем написал три раза А. Ремизов и один раз – И. Лапшин. Алексей Михайлович Ремизов (1877–1957) был одним из авторитетнейших сотрудников журнала, здесь он опубликовал около 30 статей на различные темы и самых разных жанров: биографии, очерки, рецензии на балетные спектакли, даже некрологи. Три его очерка о Гоголе (тогда как другим классикам было посвящено по одной работе) еще раз подтверждают, что это его любимый писатель. Два очерка «Тайна Гоголя / Тајна Гогоља» и «Сердечная пустыня: магический путь Гоголя: (125 лет со дня рождения Гоголя) / Пустиња у срцу: мађијски Гогољев пут: (125-годишњица од Гогољевог рођења)» предлагают новый подход к личности писателя и новые интерпретации его творчества, а очерк «Райская тайна Гоголя: столетие “Старосветских помещиков” / Рајска тајна Гогоља: стогодишњица “Старовременских спахија”» посвящен анализу этой повести.

Все три очерка Ремизова о Гоголе были приурочены к юбилеям – так же, как и другие статьи писателя в «Русском архиве»². Впрочем, не все вещи Ремизова были впервые опубликованы здесь: очерк «Тайна Гоголя» под названием «Кикимора» был напечатан на русском языке в газете «Руль» (Берлин. 1922. № 551) к 70-летию смерти классика³. Приблизительно в то же время (1929 г.), когда очерк был на сербохорватском языке напечатан в сдвоенном номере V–VI «Русского архива», статья Ремизова во второй раз была опубликована на русском языке в сдвоенном номере 8–9 журнала «Воля России» также под названием «Тайна Гоголя». Очерк «Райская тайна Гоголя» был переведен по рукописи специально для «Русского архива»⁴, здесь же впервые помещен очерк «Сердечная пустыня»⁵. А впоследствии все очерки Ремизова о Гоголе, опубликованные в белградском журнале, вошли в книгу «Огонь вещей. Сны и предсонье» (Париж, 1954), но в измененном виде⁶, особенно очерк о старосветских помещиках. Эта книга была перепечатана в 10-томном собрании сочинений А. М. Ремизова (М., 2000–2002), однако в комментариях не упомянуто о сотрудничестве писателя с журналом «Русский архив».

В начале XX в., когда Ремизов начинает интересоваться творчеством Гоголя⁷, в посвященной творчеству классика критике преобладали два ведущих направления. Первое было связано с критиком В. Белинским, считавшим Гоголя представителем «натуральной школы». Второе же направление разрабатывал философ В. Розанов, создавший «концепцию отрицательной роли Гоголя в русской литературе, считая, что явление Гоголя сбило русскую литературу с магистрального пушкинского пути»⁸. В отличие

от Белинского, он видел в гоголевском творчестве фантастические и мистические элементы.

Ремизову ни одна из этих трактовок не была близка, и на страницах белградского журнала он предложил свою интерпретацию личности Гоголя и его творчества. Основываясь на мысли в книге Розанова «Уединенное» о том, что «никогда более страшного человека... подобия человеческого не приходило на нашу землю», писатель в духе символистской мифопоэтики сравнивает Гоголя и его творчество с кикиморой. С другой стороны, не следует забывать про автобиографическую связь Ремизова с этим мифическим существом. С образом кикиморы писатель познакомился еще во время политической ссылки в Вологду (1901–1903) и с тех пор стал ее изучать. Как указывает Е. Обатнина в комментариях к его сочинениям, этот образ «был для Ремизова поводом для игровой самоидентификации»⁹. До 1920-х годов он думал, что единственный в мире обладает «кикиморным началом». Но когда писатель стал более подробно знакомиться с личностью и творчеством Гоголя, его мнение изменилось, ибо в классике он узнал родственную натуру.

Уже в первом очерке Ремизова (Русский архив. 1929. № V–VI) намечены основные черты толкования творчества Гоголя. Автор связал мечту кикиморы, как стать человеком (она произошла от лесавки и человека: «Существо и обычай ее – лешее, а мечта – человечья»¹⁰), с раздумьями Гоголя о «настоящем человеке». Главные чары этого мифического существа, так же как и классика – смех: «И нет никого чудней и смехотворней, и чары ее – смех. Эти чары Гоголя» (242). Именно смех и игра положены в основу гоголевской прозы, которую Ремизов рассматривает как лирическую, ибо сам писатель назвал «Мертвые души» поэмой. Судьба Гоголя влияет и на судьбу его произведений. Ремизов устанавливает звуковую связь между именем «кикимора» и языческой богиней Морой, которая чарует. Поскольку Гоголь отождествляется с кикиморой, неудивительно, что «русская литература зачарована Гоголем» (244). Для Ремизова это «очарование» генетически связано со сном-мечтой. По его мнению, именно сны играли важную роль в творчестве великого писателя, являясь источниками сюжетов. Поэтому всё его творчество, от «Сорочинской ярмарки» и до «Мертвых душ», критик рассматривает как ряд снов.

Гоголь, с одной стороны, зачарован, а с другой – сам чарует. Он не чарует только смехом. В юбилейном очерке «Сердечная пустыня: магический путь Гоголя» (Русский архив. 1934. № XXVIII–XXIX) Ремизов пишет о том, что классик демонической силой своего слова зачаровал «мертвую душу мира», ибо мертвые души только потом в гоголевском сне обернулись в вопль «Боже, какая жалкая наша Россия», благодаря которому и автор перед своей смертью нашел «расколдовывающее слово» (156).

Для Ремизова Гоголь является дирижером «оркестра», из которого вышли такие классики русской литературы, как Достоевский, Тургенев и другие.

В очерке продолжается полемика с В. Розановым, который в этюде «Пушкин и Гоголь» назвал гоголевских героев деревянными или восковы-

ми фигурами. Ремизов же считает, что «нужно раз и навсегда расстаться с неверным <...> утверждением, что гоголевские лица – деревянные куклы <...> и никогда не забывать, что они “смертные”, соединенные с Богом и страхом, – “мертвые души”, но нисколько не бездушные механические фигурки / ...треба једном заувек растати са погрешним <...> тврђењем да су Гогољева лица дрвене лутке <...> и никад не заборављати, да су “смртни” нераздвојни са Богом и страхом, – “мртве душе”, али нимало бездушне механичке фигурице» (№ XXVIII–XXIX. С. 68)¹¹.

В очерке «Райская тайна Гоголя» (Русский архив. 1932. № XVIII–XIX) Ремизов обращается к повести «Старосветские помещики», предлагая новое истолкование и давая ей своего рода комментарий¹². Это подтверждает и вводное предложение: «“Старосветские помещики” были начаты летом 1832 года, когда после трех с половиной лет петербургской жизни, Гоголь “снова очутился на своей родине” / “Старовременске спахије” започете су у лето 1832 год., кад се, после три и по године петроградског живота, Гоголь “нашао поново у свом завичају”» (№ XVIII–XIX. С. 5). Такое введение необходимо для объяснения названия «Райская тайна Гоголя: столетие “Старосветских помещиков”», так как книга повестей «Миргород» была опубликована только в 1835 г. В очерке имеются и другие данные о жизни Гоголя, относящиеся к «Старосветским помещикам».

Критик был одним из первых, кто заметил в этой повести присутствие земного райского сада, «который Бог насадил для человека» (139) и который освящает сила райской любви¹³. Блаженное райское состояние, в котором пребывают герои повести, лишены всех земных желаний, полные райской любви, нарушает лишь «первородное проклятие *время-смерть*» (140). Сила райской любви является «высшим и единственным» (140) в человеке, «художественным и этичным проявлением божественной сущности подобно той, которая присутствует в греческих трагедиях»¹⁴. Именно любовь и помогает героям спокойно принять смерть, так как они знают, что встретятся на том свете.

Для того чтобы дать более полный анализ повести, Ремизов привлекает и библейский подтекст, просматривающийся в словах Пульхерии Ивановны: «Бог не допустит!» Доброту гоголевской героини и ее веру в Божию доброту и справедливость автор очерка сравнивает с верой в Бога героини Достоевского в романе «Преступление и наказание» – Сони Мармеладовой, поскольку и она часто произносит такие слова.

Новизна повести, по Ремизову, заключается в том, что здесь не является черт, как в повестях «Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», «Пропавшая грамота» (цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки» 1831 г.). Причем отсутствие нечистой силы в повести «Старосветские помещики» объяснено банально: просто черту было некогда, он, может быть, занимался «своей бесовской бухгалтерией или наводил порядок в своей заваленной бумагой конуре...» (139).

Ремизов не обходит вниманием проблему демонизма Гоголя, которая была предметом исследования символистов, писавших о классике. Правда, критик предлагает иную трактовку проблемы: «...демонические герои и их

деяния в гоголевской прозе, по моему мнению (Ремизова. – Б.С.), не являются подлинным отражением зла, но предсказывают внутреннюю борьбу человека против темных сил»¹⁵. В последней редакции очерка (1954) автор обозначает еще одну важную тему – сны. Повесть о старосветских помещиках он в книге «Огонь вещей» рассматривает как четвертую часть сна, золотой сон, приходящий на смену предыдущим трем частям, где действует нечистая сила («Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», «Пропавшая грамота»).

125-летний юбилей Гоголя белградский журнал отметил исследованием «Эстетика Гоголя»: в том же № XXVIII–XXIX (1934), где был опубликован очерк Ремизова «Сердечная пустыня», появилась первая часть этой статьи И. Лапшина (вторую часть напечатали в следующем № XXX–XXXI). Иван Иванович Лапшин (1870–1952) был профессором Санкт-Петербургского университета. После того, как в 1922 г. его выслали из советской России, он до конца жизни жил в Праге и стал одним из выдающихся философов русской эмиграции, написал множество работ по философии, истории и теории наук и искусств. В его исследованиях пражского периода особое внимание уделено вопросам творчества в области философии, науки и искусства. Рассмотрению этого посвящены 9 статей Лапшина в журнале «Русский архив». Однако у нас нет данных о том, впервые ли здесь была напечатана его статья «Эстетика Гоголя». В докладе «Н. В. Гоголь в культурной жизни русских эмигрантов в Чехословакии в 1920–1930-е гг.» на международной научной конференции «Н. В. Гоголь и славянские литературы» Е. Серапионова указала, что профессор Лапшин читал в Русском народном университете (Прага, июнь 1928 г.) лекцию «Эстетика Гоголя»¹⁶.

В своей работе Лапшин отвергает идею о Гоголе как писателе «натуральной школы». По мысли ученого, он был представителем «художественного реализма»: его произведения гармонично сочетали подражание природе и художественную фантазию. Особое внимание философ уделит процессу возникновения его художественных произведений, которые создаются на основе его жизненные впечатления и затем перерабатываются под воздействием размышлений. Сам же процесс создания произведений проходит несколько этапов (сбор материала, подражание, фантастическое переосмысление собранного материала) и, по мнению самого Гоголя, осуществляется с Божьего допущения, подготовленного рядом скрытых внутренних изменений, которые совершаются в нем самом.

Лапшин подчеркивает, что эстетические принципы Гоголя основываются не столько на почерпнутых от других авторов мыслях об искусстве, сколько на впечатлениях, полученных из личного художественного опыта и раздумий. Считая Гоголя представителем реализма, философ не обходит своим вниманием такой важный для представителей данного литературного направления вопрос о типах героев. Писатель часто сознательно создавал карикатуры людей, стараясь таким образом глубже проникнуть во внутренний мир своих героев. Тяга к комическому у Гоголя была связана с другими эстетическими началами, ибо он проводил четкую грань между комическим в жизни и комическим как эстетической категорией. Рассма-

тривая роль смеха в художественных произведениях Гоголя, Лапшин приходит к выводу: это смех положительный, именно это углубляет показываемый объект, и потому неслучайно у классика наблюдается диалектическая связь смеха и возвышенного. Эти два начала дополняют друг друга.

Лапшин – как и Ремизов в очерке «Сердечная пустыня» – тоже обращается к мысли Розанова о том, что герои Гоголя – восковые фигуры, хотя и склонен согласиться с этим высказыванием, ибо считает механистичность характерной чертой комического.

Художественный процесс создания определенного типа героя заканчивается тем, что герой становится самостоятельным существом, независимым от автора. Но с героями Гоголя так происходит не всегда. И в этой продолжающейся связи автора и героя Лапшин видит одну из причин душевной драмы классика, которая привела к разрушению его эстетики.

Таким образом, публикации в журнале «Русский архив» представили сербским читателям жизнь Н. В. Гоголя и его творчество в совершенно ином, новом ключе. К сожалению, это не привело к изменению доминировавшего тогда в югославском гоголеведении взгляда на великого писателя как представителя «натуральной школы».

Примечания

¹ Руски архив (Београд). 1928. № I. С. IV. Далее цитируем, указывая данные журнала в круглых скобках после цитаты.

² Например: Воспоминания о Блоке / У спомен Блоку (1931. № XIV–XV); Пятидесятилетие со дня смерти Тургенева: Тургенев сновидец / Педесетогодишњица смрти Тургенјева: Тургенјев сновидац (1933. № XXV–XXVI); По поводу тридцатилетия со дня смерти Чехова (1904) / Поводом тридесетогодишњице смрти Чехова (1935. № XXX–XXXI).

³ Более подробно об этом см.: *Розанов Ю. В. Очерк А. М. Ремизова «Тайна Гоголя»: опыт комментария // Творчество Гоголя и русская общественная мысль. Тринадцатые Гоголевские чтения. М., 2014. С. 213–216.*

⁴ В том же году русский вариант очерка был опубликован в журнале «Россия и славянство» (Париж. 1929. № 173).

⁵ Этот очерк Ремизова под названием «Судьба Гоголя» был опубликован на русском языке в Париже эмигрантской газетой «Русские новости» (1952. № 352. От 29 февраля).

⁶ Очерк «Тайна Гоголя» был также опубликован с измененным названием «Природа Гоголя».

⁷ Писатель впервые обратился к творчеству Гоголя в рассказе «Ночь у Вия», опубликованном в журнале «Русская мысль» (1909. Апрель) к 100-летию юбилею классика.

⁸ *Бочаров С. Пути Гоголевской критики // Гоголь в русской критике: Антология / Сост. С. Бочаров. М., 2008. С. 7.*

⁹ См. комментарии к стихотворению «Кикимора» Е. Обатниной в изд.: *Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10-ти т. М., 2000. Т. 3. С. 604.*

¹⁰ *Ремизов А. Природа Гоголя // Он же. Собр. соч. Т. 7. С. 241.* Далее все цитаты по этому изд. приводим, указывая в круглых скобках № стр.

¹¹ Этого абзаца нет в русском варианте очерка, опубликованном в парижском издании книги «Огонь вещей», поэтому цит. по журналу «Русский архив». Перевод на русский язык мой. – Б. С.

¹² Подробнее об этом см.: *Розанов Ю. В.* «Старосветские помещики» в комментариях А. М. Ремизова // *Творчество Гоголя в диалоге культур. Четырнадцатые Гоголевские чтения: Сб. науч. ст. М.; Новосибирск, 2015. С. 190–195.*

¹³ Изображению земного рая в творчестве Гоголя посвящена статья: *Гольденберг А.* Ад и Рай Гоголя // *Н. В. Гоголь и русское зарубежье. Пятые Гоголевские чтения. М., 2006. С. 89–101.*

¹⁴ *Поповић Т. А.* Ремизов – ново читање руске класике // *Часопис Руски архив (1928–1937) и култура руске емиграције у Краљевини СХС/Југославији: Зб. радова, уреднице В. Матовић, С. Бараћ. Београд, 2015. С. 403.*

¹⁵ Там же.

¹⁶ В книге «*Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice*» / *Red. L. Běloševské. Praha, 2001*) данные о прочитанной Лапшиным лекции «Эстетика Гоголя» отсутствуют.